

К 30-ЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА: ИНДИВИДА И ГРУППЫ (ЧАСТЬ I)

© 2002 г. А. В. Брушлинский

Член-корреспондент РАН, директор ИП РАН, Москва

30 лет назад Б.Ф. Ломов организовал Институт психологии в системе Академии наук СССР (ныне РАН). Проанализированы некоторые основные результаты научных исследований, проведенных за последние годы в Институте прежде всего с позиций психологии субъекта (the Self, the Actor etc.). Субъект – это человек, люди на высшем (индивидуализированно для каждого) уровне активности, целостности, автономности и т.д. Поэтому субъект – это наиболее широкое и общее определение человека. Личность – менее широкая характеристика человека, раскрывающая глубокую взаимосвязь лишь некоторых, хотя и очень существенных его черт: экстраверсии–интроверсии, тревожности, ригидности и т.д.

Ключевые слова: Институт психологии РАН, субъект, личность, индивидуальность, индивид, группа.

16 декабря 1971 г. нашему Институту психологии РАН исполнилось 30 лет. Главная заслуга в его создании, бесспорно, принадлежит Борису Федоровичу Ломову (1927–1989) – известному психологу и крупному организатору науки. Уже в 1960-е годы он заслуженно завоевал большой авторитет своей научно-исследовательской, педагогической и руководящей деятельностью в Ленинградском государственном университете, в Министерстве просвещения СССР, в Академии педагогических наук и т.д. Весь свой огромный опыт научной и организационной работы он умело применил и развил в длительном и сложном процессе рождения академического Института психологии. Ради этого великого дела он использовал также свои довольно прочные “связи” в ЦК КПСС.

У истоков нашего Института стояли также и другие выдающиеся психологи: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.Д. Небылицын, В.А. Пономаренко, Б.Ф. Поршнев, Е.В. Шорохова и др. Очень сильную поддержку в создании Института им оказали академики П.К. Анохин, А.И. Берг, В.В. Парин, Б.Н. Петров, вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев, некоторые космонавты и др. И, конечно, решающую роль сыграл в этом деле Президент АН СССР академик М.В. Келдыш. Он вел переписку с Б.Ф. Ломовым по многим проблемам теоретизации и особенно экспериментатики в психологии, получая от него развернутые ответы на все задаваемые вопросы.

В нашей стране это был четвертый психологический институт: первый организовал (на частные пожертвования) еще Г.И. Челпанов в Москве в 1912–1914 гг., второй – Д.Н. Узнадзе в Тбилиси в 1941 г., третий – Г.С. Костюк в Киеве в 1945 г. В большой Академии психологическая наука впер-

вые получила официальное представительство только в начале 1940-х годов: в 1943 г. выдающийся советский психолог С.Л. Рубинштейн (1889–1960) был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1945 г. он организовал и возглавил первую в нашей Академии психологическую лабораторию – Сектор психологии в Институте философии. Это был принципиально новый в СССР центр психологической науки, призванный теоретически и экспериментально разрабатывать основные фундаментальные проблемы психологии [3].

Однако 11 января 1960 г. в самом расцвете своих творческих сил и новых замыслов скоропостижно скончался основатель и руководитель Сектора психологии С.Л. Рубинштейн. Заведовать Сектором стала Е.В. Шорохова. Под ее руководством продолжались прежние и осуществлялись новые методологические, теоретические и экспериментальные психологические исследования личности, группы, деятельности, сознания и самосознания, мышления (в соотношении психологии с кибернетикой и математикой), взаимосвязей между природным и социальным в психике человека и т.д.

Совершенно естественно, что уже в 1972 г. Сектор психологии был переведен в состав только что созданного Института психологии АН СССР и Е.В. Шорохова стала одним из заместителей его первого директора Б.Ф. Ломова.

Б.Ф. Ломов заложил исходные методологические основы всей научно-исследовательской деятельности Института психологии: определяемая **системным** подходом комплексность проводимых исследований, гармоничное сочетание фундаментальных и прикладных работ, многовариантность конкретно-научных подходов к разработке акту-

альных проблем и т.д. Все эти методологические принципы и по сей день сохраняют свою эвристичность.

Общепризнанные результаты огромной научной и организационной деятельности Б.Ф. Ломова давно и хорошо известны прежде всего по его книгам [8, 9] и обобщающим статьям, опубликованным в общеакадемических и других журналах.

К тому же в связи с прежними юбилеями Института и самого Б.Ф. Ломова в "Психологическом журнале" и других изданиях публиковались многочисленные обобщающие статьи, в которых подведены итоги основных исследований, проводимых в Институте (см., например, "Психологический журнал" 1982, 1991–1993; 1996, № 6; 1997, № 2, и др.). Более того, в 2001 и 2002 гг. мы представляем читателям цикл статей, в которых заведующие лабораториями и группами ИП РАН подводят итоги научно-исследовательских работ, осуществленных за последние 5–6 лет (т.е. после нашего 25-летнего юбилея). Поэтому в данной статье я попытаюсь кратко проанализировать лишь некоторые из наших результатов последнего пятилетия и в какой-то степени обобщить их.

Любой системный подход (в частности, разработанный Б.Ф. Ломовым в психологии) реально "работает" в единстве с другими, менее общими методологическими принципами. Это объясняется тем, что сам по себе он не может определить, что именно в данной конкретной области исследований является системой, ее элементами, их структурными и функциональными взаимосвязями, подсистемами и т.д. В психологии такими принципами, "дополняющими" и конкретизирующими системный подход, являются прежде всего две "парадигмы": 1) субъектно-деятельностная и 2) знаково-речевая.

Первая из них впервые в психологии разработана С.Л. Рубинштейном, его учениками и последователями. Ее основная идея, идущая отчасти от Гегеля и раннего Маркса, состоит в том, что люди и их психика (в отличие от животных) формируются и развиваются прежде всего на основе своей деятельности (изначально практической, затем также и теоретической, но в принципе единой). А потому их психика объективно изучается именно через ее проявления в деятельности. У детей, подростков и взрослых это главным образом игра, учебная, трудовая, предпринимательская и т.д. деятельность. В ее состав входят мотивы, цели, действия, средства-орудия и т.д. Данный принцип деятельности вслед за С.Л. Рубинштейном разрабатывали также А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов и многие другие отечественные, а затем и некоторые зарубежные психологи. По сути своей он конкретизирует известную очень общую идею Гете "Вначале было дело (*die Tat*)", противопоставленную им другому, тоже весьма общему по-

ложению, идущему от Библии: "Вначале было слово".

В XX в. данное положение систематически разработали очень многие гуманитарии и прежде всего немецкий философ Э. Кассирер (E. Cassirer), М.М. Бахтин, Л.С. Выготский и др. Их исходная идея заключается в том, что люди и их психика (в отличие от животных) развиваются на основе языка и речи (как системы знаков). Такова суть знаково-речевого подхода, который в психологии распространен в большей степени, чем альтернативный ему субъектно-деятельностный.

Казалось бы, оба этих подхода могут и должны дополнять друг друга, поскольку исследуемые ими (соответственно) речь и деятельность, бесспорно, лежат в основе всего развития людей и их психики. Так оно и было бы, если бы проблема речи разрабатывалась только с позиций знаково-речевого принципа. Однако субъектно-деятельностная концепция тоже раскрывает фундаментальную роль **общения** (значит, языка и речи), но она делает это существенно иначе: обязательно в соотношении с исходными **сенсорикой**, изначально практической **деятельностью** и другими видами активности людей. Это значит, что новорожденные младенцы взаимодействуют с эмоционально значимыми для них людьми, предметами, событиями первоначально только на уровне ощущений, восприятий, простейших действий, способов общения и т.д. и лишь потом, через 1–2 года после рождения, они начинают обозначать такие "фрагменты" окружающей действительности соответствующими элементарными словами.

Именно так формирующаяся речь играет затем все более фундаментальную роль в жизни каждого человека, однако это происходит по-прежнему не только в условиях общения (т.е. субъект-субъектного взаимодействия), но и на изначально сенсорно-практической основе деятельности (т.е. субъект-объектного взаимодействия), благодаря чему обеспечивается столь существенная исходная чувственно-действенная, вообще деятельность обусловленность речи (подробнее см., например, [11]). Таким образом, проблема языка и речи весьма актуальна и для знаково-речевого, и для субъектно-деятельностного подходов (в этом — их общность), но проблематика **субъекта** и его изначально практической **деятельности** наиболее значима только для второго из них.

Психология субъекта (его деятельности, общения и т.д.) теперь определяет общее направление научно-исследовательских работ нашего Института. Она составляет основной пункт программы его нового директора, избранного тайным голосованием на альтернативной основе в декабре 1989 г. и переизбранного в 1995 г. и 2000 г. В таком качестве она утверждена и Ученым советом Института.

Это, разумеется, не отрицает, а, наоборот, предполагает, что у нас есть довольно разные точки зрения на психологию субъекта и его основные критерии (особенно на соотношение субъекта и личности). Некоторые коллеги вообще предлагают использовать в качестве наиболее обобщающей психологической характеристики человека понятие индивидуальности, но не субъекта (подробнее см. дальше).

Наш Институт особенно энергично инициировал и активизировал за последние 10–15 лет психологическую проблематику субъекта (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, К.В. Бардин, А.В. Брушлинский, Ю.Я. Голиков, Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, А.Н. Костин, В.Е. Лепский, В.П. Позняков, Е.А. Сергиенко и др.). Вместе с тем и многие психологи из других учреждений тоже все более настойчиво разрабатывали или разрабатывают ту же тематику (например, Е.Д. Божович, Л.М. Веккер, В.В. Давыдов, В.И. Исаев, В.Т. Кудрявцев, Н.Н. Обозов, В.А. Петровский, В.В. Селиванов, В.И. Слободчиков, А.С. Чернышев и др.).

Подводя пока еще самый общий итог нашим исследованиям, можно раскрыть исходное психологическое понятие субъекта следующим образом:

На различных этапах онтогенеза человек, формируясь в качестве субъекта, взаимодействует с окружающей действительностью на очень разных, но взаимосвязанных уровнях: сначала как с 1) системой раздражителей, затем как с 2) системой сигнальных раздражителей, наконец, и как с 3) объектом, а с людьми – как с 4) субъектами. На первом уровне это взаимодействие развивается в виде **реакций** на раздражители, на втором – в виде реакций и простейших **действий**, на третьем – в виде все более сложных действий с объектами и простейших **поступков** в отношении людей, на четвертом – в виде все более нравственных поступков [10, 11, 14]. Ясно, что каждый предыдущий уровень необходимо входит в состав последующих уровней и тем самым продолжает развиваться в целостной системе – в субъекте. Такая целостность (системность) обеспечивается развитием субъекта даже в условиях противоречивости его целей, мотивов, устремлений и т.д.

Субъект – это человек, люди на **высшем** (индивидуализированно для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т.д. Любой человек не рождается субъектом, а становится им начиная примерно с 7–10 лет, когда постепенно овладевает хотя бы простейшими **понятиями** (арифметическими, грамматическими и т.д.), в которых он все более полно раскрывает существенные свойства **объекта**, инвариантного по отношению к наглядно-чувственным признакам последнего. Субъектом может стать и группа людей по мере формирования у них общих интересов, целей и т.д. (подробнее см. дальше). Выс-

ший уровень деятельности субъекта является таковым по отношению 1) к **предшествующим** (т.е. до-субъектным, детским) стадиям развития, а также по сравнению со всеми 2) остальными определениями человека (как личности, индивидуальности и т.д.).

В таком смысле *the Subject* (в англо-американской литературе) – это не обязательно участник психологического эксперимента, не испытуемый, а *the Self* (самость) как целостность, как *the Actor* (деятель) и т.д.

Итак, субъект – это всеохватывающее, **наиболее** широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность, системность всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, напротив, менее широкое определение человеческого индивида. Оно обычно раскрывает глубокую взаимосвязь лишь некоторых, хотя и очень существенных черт человека: экстраверсии–интроверсии, тревожности, регидности, импульсивности и т.д.

Субъективное – это 1) принадлежащее субъекту, **субъективное** и 2) неадекватное, **субъективистское** (когда люди односторонне выявляют лишь некоторые свойства и отношения познаваемого объекта). У человека психическое объективно существует только как субъективное (всегда в первом смысле слова и, к сожалению, слишком часто также и во втором смысле). Психология изучает **объективные** закономерности субъективного (в обоих смыслах). Однако многие специалисты – особенно в области естествознания – нередко не различают эти два смысла и поэтому считают, что все субъективное должно быть изгнано из науки (в итоге психологию заменяют физиологией, логикой, кибернетикой, математикой и т.д., поскольку якобы только они раскрывают объективные закономерности). Ясно, что нежелательны обе противоположные друг другу крайности – субъективизм и псевдообъективизм. Примером последнего может служить бессубъектный “третий мир” английского философа К. Поппера (К. Popper, 1902–1994), весьма популярный среди некоторых психологов.

Человек как субъект – творец собственной истории, вершитель своего жизненного пути в определенных социально-экономических условиях. Он инициирует и осуществляет специфически человеческие виды активности: творческой, нравственной, свободной, ответственной и т.д. В таком смысле деятельность субъекта всегда является **творческой** (хотя бы в минимальной степени), что убедительно начал раскрывать С.Л. Рубинштейн еще в своих работах 1910–1920-х годов [14, 15]. Именно эта специфика людей и их психики все более глубоко изучалась и изучается в наших теоретических и экспериментальных исследова-

ниях, проводимых в Секторе психологии Института философии, а теперь и в Институте психологии.

В данном отношении есть много существенно общего между субъектно-деятельностной теорией и гуманистической психологией (Humanistic psychology), которая в США с 1960–1970-х годов начала систематически изучать творческий потенциал личности как целостной системы и провозгласила себя третьей силой, альтернативной по отношению к фрейдизму и бихевиоризму. Например, один из основоположников этой психологии – А. Маслоу (A. Maslow) рассматривал творчество как специфическое свойство, потенциально присущее каждому человеку уже от рождения. В качестве главной особенности людей он постулировал самоактуализацию (*Self-actualization*), т.е. такой процесс развития их способностей, в ходе которого они действительно в состоянии стать теми, кем потенциально могут стать. Для нашей субъектно-деятельностной теории важнейшей основой такого психического развития является, как уже говорилось, именно *деятельность* субъекта, осуществляемая на разных уровнях общения и недооцениваемая гуманистической психологией.

В самом полном и широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом. Поскольку любой человеческий индивид всегда находится внутри человечества, различных общественных групп и т.д., то он и его психика уже изначально являются социальными (социальное всегда неразрывно связано с природным даже в наиболее сложных психических – духовных – качествах людей). Более того, в нашем Институте с начала 1970-х годов разработана теория, согласно которой психика человеческого младенца возникает еще до его рождения – в конце внутриутробного развития [20]. И даже в этом случае она уже представляет собой простейшее неразрывное единство природного и социального.

Социальность не означает, что индивид как субъект, находясь внутри человечества, лишь воспроизводит усваиваемую им культуру и потому якобы вообще не выходит за пределы уже достигнутого обществом. Каждый человек в силу своей уникальности, неповторимости, незаменимости участвует (хотя бы в минимальной степени) в развитии культуры и всего общества. Развивая ее дальше, он делает это во взаимодействии с ней, опираясь на нее даже в процессе преодоления ее ограниченности на тех или иных направлениях общественного прогресса. Качественно новый вклад в развитие всей культуры человечества

вносят прежде всего выдающиеся деятели науки, искусства, политики, религии и т.д.

Любой человеческий индивид не менее социален, чем группа или коллектив, хотя конкретные общественные отношения между данным человеком и другими людьми могут существенно различаться (в условиях того или иного общественного строя, в определенной стране и т.д.). В итоге каждый индивид – это всегда неразрывное развивающееся единство социального, общественного и индивидуального как (соответственно) всеобщего, особенного и единичного (1, 2, 4, 10, 11).

Одним из эмпирических подтверждений этого вывода являются, в частности, результаты проводимых в нашем Институте систематических исследований динамики личных и общественных интересов в процессе предпринимательской и трудовой деятельности (А.Л. Журавлев и его сотрудники). Показано, что в условиях изменяющихся форм собственности группа людей может стать субъектом не только совместной трудовой деятельности, но и совместной собственности. Возникновение такого группового субъекта зависит прежде всего от формирования у людей, составляющих эту группу, **общих** для них интересов, мотивов, отчасти целей и т.д. [19]. Это значит, что личные интересы не подчиняются общественным (вопреки широко распространенной у нас в стране в течение нескольких десятилетий тоталитаристской догме), существующим как таковые только в том случае, если они одновременно являются также и личными, а не надличностными и внеличностными. Разумеется, не каждый личный интерес становится общественным и общественные интересы не есть сумма личных. И тогда на первый план выходят согласование и единство интересов разных субъектов (общества, групп, индивидов и т.д.). А при тоталитаризме правящая верхушка стремилась свои корыстные корпоративные мотивы и интересы выдать за всеобщие и тем самым всех (кроме себя) лишить статуса субъектов, превратить в объекты угнетения, манипулирования, запугивания и т.д.

Сейчас в процессе реформирования России происходит сложнейший и затянувшийся переход к рыночной экономике и демократии. Вся наша страна – это как бы “лаборатория” социальной, экономической, этнической психологии и психологии личности. Экономисты, социологи, философы и иные специалисты – Д.С. Львов, Г.В. Осипов, В.С. Стёпин и многие другие (см., например, [5]) – убедительно анализируют не только достижения, но и существенные недостатки проводимых реформ.

С этих общих позиций у нас в Институте разрабатывается социальная и экономическая психология группового субъекта. Например, выявлена типология предпринимателей (малый и средний

бизнес). Первый тип субъектности нацелен прежде всего на собственные возможности, мотивацию самореализации и т.д.; второй (партнерский) – на успех вместе с ближайшим окружением; третий – на государственную поддержку. Все они низко оценивают правовую защищенность бизнеса, хотя у третьего типа мотивация безопасности является доминирующей.

Эти и многие другие исследования группового субъекта неразрывно связаны с изучением индивидуального субъекта: личности, индивидуальности и т.д. Например, раскрыт мотивационный феномен предпочтения работать с другими людьми в условиях тех или иных форм и отношений собственности. Он выявлен как у работников госпредприятий, так и у предпринимателей, у людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, и т.д. С одной стороны, феномен предпочтения связан с возрастно-половыми характеристиками работников, но с другой – он зависит от таких социально-психологических факторов, как “консерватизм–радикализм” личности, ее отношение к риску, к конкуренции с другими людьми, к совместному труду и т.д. Значит, реальный выбор социально-экономических условий трудовой деятельности во многом детерминирован психологическим феноменом предпочтения. Иначе говоря, любое психическое свойство, формируясь в ходе предшествующей деятельности, затем при определенных условиях влияет на последующую деятельность людей и развивается в ней.

Сравнение индивидуально-психологических характеристик работников государственных и частных предприятий одного и того же профиля трудовой деятельности показало, что различия между ними связаны, в частности, с локусом контроля: для работников госпредприятий более характерна экстернальность, а для частных – интернальность, т.е. склонность приписывать ответственность за результаты своей деятельности (соответственно) внешним силам или, напротив, собственным действиям. В итоге психологический тип локуса контроля может оказывать влияние на выбор субъектом экономических условий (формы собственности и т.д.), в которых он предпочитает работать.

В общем и целом социально-психологические феномены выполняют функции оптимизации взаимодействия личности и группы с новой социально-экономической обстановкой. С одной стороны, порождаясь социально-экономическими изменениями, социально-психологические феномены становятся как бы первичными сигналами, позволяющими оценивать состояние социально-экономических условий жизнедеятельности разных субъектов. С другой стороны, являясь первичными референтами того, насколько социально-экономические изменения устраивают или не

устраивают личность и группу, насколько социально-экономические условия необходимо изменять или, наоборот, закреплять, эти социально-психологические феномены тем самым реально воздействуют на социально-экономические изменения – особенно в ближайшей социальной обстановке [19].

Поэтому важны наши исследования возможностей субъекта преодолевать социально-психологические условия, деформирующие развитие личности (К.А. Абульханова и ее сотрудники). Господство рыночной экономики, жесткой конкуренции и т.д. может отрицательно сказаться на судьбе определенных групп людей и породить у них неадекватные интерпретации различных тенденций в жизни общества. Например, формирующиеся мотивы (преуспевание любым путем, жажда власти и др.) могут создать у человека идеализированный образ своего “Я”. Рассогласование между таким образом “Я” и скромными достижениями в реальной деятельности порождает скрытую ненависть и презрение к себе. Эмпирически показано, что у субъектов существуют (уже с детства) здоровые, конструктивные силы, они способны преодолевать деформирующие общественные условия и добиваться позитивных успехов. Формирующиеся в деятельности умения справляться с трудностями образуют фундамент стойкости субъекта, понимания себя самого (это конкретно выявлено у разных групп взрослых и пожилых людей).

В частности, в одном из эмпирических исследований раскрыта типология представлений о счастье на уровне обыденного сознания современного российского общества. Счастье как ценностная структура сознания выступает не только в форме идеальных представлений, но и в виде прототипов, реализующихся в образах конкретных людей – счастливых и несчастливых. Эти представления имеют четко выраженную направленность на такие ценности, как радости жизни, любовь, семья. Они неразрывно связаны с фундаментальными потребностями самореализации и смысла жизни. Образ счастливого человека представлен в обыденном сознании ярче, определеннее, чем несчастливого. Однако характеристика несчастливых в целом доброжелательна и сочувственна. В ней нет негативизма и остракизма (неприятя), которые нередко отмечаются западными исследователями в отношении определенных групп людей в своих странах.

Такое кросскультурное сопоставление российской и западной ментальности мы стремимся осуществлять и во многих других исследованиях, в ряде случаев проводимых совместно с западными коллегами. Например, показано, что моральные представления у россиян преобладают над правовыми [13]. Отсюда не следует, конечно, что наши

люди более нравственны, чем граждане западных стран. Просто у нас пока нет правового государства. В нашем менталитете еще отчасти сохраняется коллективистический способ мышления (особенно в сельской местности), хотя наблюдается резкое возрастание индивидуалистических настроений. Повышается значимость таких ценностей, как свобода, демократия (но при жестком стиле управления), самостоятельность, частная собственность, права личности и т.д. Систематически исследованы разные типы понимания правды и лжи [7]; это одно из новых и перспективных направлений в нашей науке.

Вслед за западными психологами мы начали изучать макиавеллизм, под которым они понимают склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях (В.В. Знаков и его сотрудники). Имеются в виду такие способы поведения, когда субъект скрывает свои подлинные намерения и с помощью ложных отвлекающих маневров (лесть, обман и т.д.) добивается от партнера, чтобы он, сам того не сознавая, изменил собственные первоначальные цели. Получены во многом сходные с западными результаты: например, выявлена связь макиавеллизма с такими личностными характеристиками, как враждебность, подозрительность, отрицательная самооценка нравственных качеств; у молодежи уровень макиавеллизма выше, чем у взрослых и т.д.

Не все, но некоторые виды рекламы частично связаны с таким макиавеллистским подходом к влиянию на людей (психологию рекламы у нас в Институте изучают Ал.Н. Лебедев и его сотрудники).

Эти и многие другие психологические особенности индивидуальных и групповых субъектов обобщенно представлены в типичных образах советского и русского человека, стихийно сформировавшихся у россиян к настоящему времени. Если интегрировать данные, полученные от разных респондентов, то психологический портрет русских включает 31 характерное свойство. Все они присущи, по мнению опрошенных, также и советскому человеку, но, кроме того, для него специфичны еще пять качеств, которые отличают его от русских: холодный, застенчивый, подозрительный, лежковерный, обидчивый. Вместе с тем, характеризуя русского человека, респонденты отдают приоритет иным качествам, чем при описании советских людей. Например, **первые** 10 позиций эталонного портрета русских включают следующие свойства: жизнерадостность, нежность, сострадание, обаяние, радушие, решительность, аккуратность, заботливость, сдержанность и настойчивость. А советскому человеку респонденты приписывают в **первую** очередь такие качества, как осторожность, самозабвение, стыдливость,

гордость, мечтательность, педантичность, поэтичность, изысканность, упорство и энтузиазм. В итоге можно сказать, что в политическом сознании российских граждан советский человек – более закрытый, осторожный и т.д. Впрочем, **настойчивость** (у русских) и **упорство** (у советских) – это по существу одно и то же свойство, которое к тому же в обеих верхних “десятках” занимает почти одинаковое место. В общем и целом в данном случае, как и во многих других, подтверждается главный вывод: история и современность свидетельствуют о том, что для российской и прежде всего русской ментальности особенно характерна духовность, т.е. специфические цели, устремления и смыслы человеческой жизни (например, идея социальной справедливости). Человек не может жить без целей, идей, идеалов, надежды и т.д. Духовность – не только индикатор целостного состояния общества, но и одно из оснований его развития. Она характеризует определенную иерархию ценностей, целей и смыслов, высший уровень освоения человеком мира, а потому является важнейшим психическим свойством субъекта. Данная тематика разрабатывается у нас также и с позиций истории психологии и исторической психологии (В.А. Кольцова и ее сотрудники).

Как уже отмечалось выше, люди осваивают и изменяют мир в ходе своей деятельности, причем деятельность субъекта (в частности, мышление) всегда является хотя бы в минимальной степени творческой [4, 14]. Поэтому в нашем Институте очень большое внимание уделяется проблемам интеллекта, креативности (творчества), вообще способностей (А.Я. Пономарев, В.Н. Дружинин, М.А. Холодная и их сотрудники). Создана модель интеллектуального диапазона и диапазона креативности субъекта. Например, показано, что данная модель зависит от уровня развития личностных особенностей участников учебного, профессионального и т.д. взаимодействия и соответствия этих особенностей друг другу. Так, в ситуации тренинга более адекватную позицию сначала занимают интроверты, но по ходу тренинга им необходимо все в большей степени демонстрировать не свойственные им психические качества, осознание которых обусловлено уровнем развития общего интеллекта. Экстраверты в данной ситуации сталкиваются с проблемой контроля за проявлением своих эмоций. С увеличением степени социального контроля различия между интро- и экстравертами исчезают. У тех и других по-разному связаны интеллект и креативность. В условиях межгруппового взаимодействия экстраверты действуют более адекватно. На основе этих и многих других экспериментальных исследований создана общая теория способностей [6], в которой выявлены сложные взаимосвязи между интеллектом, креативностью и различными типами

субъектных свойств людей. Она используется как основа для психометрического анализа русской версии некоторых зарубежных тестов и для выявления сильных и слабых сторон любого тестирования людей. Все это обобщено и в разработанной в нашем Институте теории одаренности.

С учетом непрерывных взаимосвязей интеллекта и восприятия (перцепции) создана теория перцептогенеза (В.А. Барабанщиков и его сотрудники). Перцептивный процесс раскрыт как акт психического развития субъекта в трех основных планах: а) активность субъекта в соответствующей ситуации (например, решение перцептивной задачи); б) развитие системы внутренних условий восприятия (мотивационно-оценочные и другие компоненты); в) динамика формы и содержания многомерного чувственного образа.

Самые ранние стадии перцептогенеза изучены у новорожденных детей, в частности у моно- и дизиготных близнецов, в сравнении с младенцами, имеющими врожденную катаракту (Е.А. Сергиенко и ее сотрудники). По-новому раскрыто соотношение восприятия и простейших практических действий (в отличие от классической теории Ж. Пиаже). Тем самым выявлены начальные условия, необходимые для последующего развития ребенка как субъекта [10, 18].

Создано принципиально новое направление в изучении ощущений и восприятий – субъектная психофизика (К.В. Бардин, И.Г. Скотникова и их сотрудники). Для нас главное – это изучение индивидуально-психологической детерминации результатов сенсорных измерений собственной активности субъекта, выступающего в качестве испытуемого в психофизических экспериментах. При альтернативном, прежнем подходе к той же проблеме традиционная “объектная парадигма” минимизировала деятельность испытуемого, описывая ее математическими моделями аналогично работе технических систем, что совершенно недостаточно учитывало специфику человека как субъекта [18]. Та же проблема разработана и в ходе экспериментального изучения у людей мышления как непрерывного процесса: выявлена специфика этой непрерывности, отличающая ее от функционирования технических систем и от теоретико-множественных структур [4]. На этой основе сопоставлены “искусственный” и естественный интеллекты.

Восприятие, мышление и все другие виды познавательной деятельности субъекта невозможны вне речи и других способов коммуникации (в том числе и Интернета). В нашем Институте эта актуальная проблематика также исследуется очень активно (Т.Н. Ушакова, Н.Д. Павлова и их сотрудники). Раскрыта интенциональная природа речи (и мышления) в ходе политических дискуссий и кампаний, в частности президентских выборов в

нашей стране. Разработан общий метод интенционального анализа соответствующих текстов – их направленности (интенциональности), конфликтности и т.д. [17]. В частности, с этих позиций проведены экспертизы, заказанные нашему Институту государственными и другими учреждениями в целях оценки текстов по тематике терроризма, национализма и т.д. Предложены методики для изучения процесса аргументации, основанные на применении компьютерных комплексов и реализующие имитационную модель диалога. Разработана классификация разных видов невербальной коммуникации (индивидуальные свойства голоса у разных людей и т.д.), что позволило дать научное обоснование построения психологического портрета человека по невербальным особенностям его речи (В.П. Морозов и его сотрудники). Изучены некоторые специфические качества людей (прежде всего ученых), общающихся в условиях современных коммуникативных технологий; особое внимание теперь уделяется использованию Интернета и других сетей компьютерной связи (А.В. Беляева и ее сотрудники).

Поставлена и начала разрабатываться новая научная проблема обеспечения информационно-психологической безопасности РФ (В.Е. Лепский и его сотрудники). Создана система основных понятий, выявлены главные объекты (“мишени”) воздействия информационной сферы на психику граждан и т.д. Результаты работы использовались Советом Безопасности РФ, Госдумой и рядом ведомств. Исследованы рефлексивные процессы в условиях компьютеризации управленческой деятельности.

Проблема компьютеризации очень детально представлена в исследованиях субъекта труда, в частности операторской деятельности в особых и экстремальных условиях (В.П. Бодров, Л.Г. Дикая и их сотрудники). Разработан метод структурно-динамического моделирования такой деятельности по пяти уровням ее саморегуляции (сенсорно-перцептивный, интуитивный и т.д.). Раскрыты типы и уровни проблемности профессиональной деятельности. Создана и апробирована отечественная компьютерная методика анализа движения глаз для оценки способностей к новому виду операторской деятельности космонавтов по управлению роботом-манипулятором на Международной космической станции, который сконструирован Канадским космическим агентством (ККА) для переноса различных грузов. Эксперименты проведены на тренажере по управлению роботом на базе ККА в Монреале. Раскрыты новые особенности комплекса тех психических свойств человека, которые наиболее существенны для адекватного профессионального отбора летчиков и некоторых других специалистов. Изучен психический и, в частности, информационный стресс, возникающий у оператора в условиях де-

фицита, избыточности, неопределенности, противоречивости и т.д. получаемой информации. Намечены пути преодоления такого стресса [18].

Особенно актуальна в настоящее время проблема посттравматического стресса, исследуемая в нашем Институте Н.В. Тарабриной и ее сотрудниками. Это прежде всего посттравматическое стрессовое расстройство, которое проявляется в виде эмоциональных реакций, отсроченных во времени от пребывания в травматической ситуации (например, после войны, Чернобыльской аварии и т.д.). Раскрыты симптомы и способы лечения таких сложных психических переживаний [18].

В данной связи и в связи со многими другими проблемами все более значимой становится экологическая психология, которую у нас разрабатывают В.Н. Носуленко и его сотрудники. Они изучали важные особенности взаимодействия человека и физической среды: активное отражение людьми окружающей среды и роль в ее формировании субъекта, а также созданной им техники. Это прежде всего акустическая среда, конкретные ситуации в космических полетах и т.д. Создан специальный метод анализа эмпирических данных, полученных с использованием процедур свободной вербализации. Он позволяет количественно интерпретировать результаты оценок этих данных.

Во всех наших исследованиях мы в той или иной степени раскрываем и учитываем индивидуальные различия между людьми, определяющие индивидуальный стиль деятельности и многие другие подобные особенности субъектов. Одним из важнейших свойств индивидуальности является темперамент. Разработан психометрически надежный и валидный метод оценки темперамента: опросник структуры темперамента и опросник формально-динамических свойств индивидуальности (В.М. Русалов и его сотрудники). Выделены основные компоненты психической активности: выносливость, пластичность и скорость. Раскрыты взаимосвязи между темпераментом и интеллектом. Эти свойства темперамента соотношены с общими свойствами нервной системы человека. Так психология закономерно продолжается в психофизиологии [18].

В нашем Институте развивается прежде всего системная психофизиология (В.Б. Швырков, Ю.И. Александров и их сотрудники), базирующаяся на некоторых идеях теории функциональных систем П.К. Анохина. На этой основе разработаны строгие методы диагностики существенных свойств личности и индивидуальности, например, в процессе изучения соотношения генетических и средовых факторов в детерминации ответов на тестовые задания шкалы нейротизма в разных возрастных группах. Созданы компьютеризиро-

ванные версии некоторых тестовых методик. Раскрыто влияние предшествующего жизненного опыта на нейрональную активность: хроническая алкоголизация избирательно подавляет функционирование нейронов новых систем, оказывая при этом более выраженный эффект на верхние слои коры головного мозга. Например, алкоголь по-разному влияет на мозговую активность, связанную с использованием родного языка и языка, усвоенного на поздних этапах индивидуального развития (наиболее сильное влияние во втором случае) [18].

Изучаются актуальные проблемы когнитивной психофизиологии (Ар.Н. Лебедев и его сотрудники) — прежде всего на основе работ М.Н. Ливанова, раскрывшего решающую роль согласованных регулярных колебаний активности многих нейронов в простых и сложных психических явлениях. С этих позиций выявлены строгие количественные характеристики памяти (ее объем, быстродействие и т.д.), а исключительно по особенностям электроэнцефалограммы удалось обнаружить некоторые индивидуальные личностные качества конкретных людей.

Психофизиология (а теперь еще и психогенетика) издавна и до сих пор закономерно занимает весьма существенное место в структуре психологической науки, все более глубоко изучая нейрофизиологические основы психики людей и животных. Но это, конечно, не означает, что психология человека целиком входит в систему только естественных (прежде всего биологических) наук. Она одновременно относится и к гуманитарным, и к естественным наукам, оставаясь при этом **единой**. Ее единство объективно заключается в следующем. Более общие законы лежащих “ниже”, менее сложных сфер бытия сохраняют свою силу для всех лежащих “выше”, более сложных областей; вместе с тем распространение общих закономерностей лежащих “ниже” областей на области более специальные не исключает, а, напротив, предполагает существование *специфических* законов у этих последних [14, с. 12]. В каждой сфере взаимодействия есть и общие, и специфические законы. Например, психическое подчиняется специфическим закономерностям (раскрываемым психологией) и в то же время на него целиком и полностью распространяются — вопреки дуализму — все закономерности “ниже” лежащих областей: физиологические, физико-химические и т.д. На основе такого монизма объективно определяется гуманистический статус психологии (по отношению к физиологии, биохимии, биофизике и т.д.) и ее участие в построении общей картины мира. И тогда ясно, что всегда взаимосвязанные в жизни человека психическое и физиологическое не рядоположны, поскольку между ними существует вышеуказанная иерархия, которая соответственно определяет и соот-

ношение между гуманитарным и естественнонаучным в психологической науке. Тем самым создается исходное методологическое основание для решения психофизиологической проблемы.

Это единство психологии человека наиболее систематически как раз и раскрывается психологией субъекта (см. выше о неразрывности, целостности в психике людей природного, социального, общественного, индивидуального и т.д.). Во всех случаях при этом в процессе анализа экспериментальных и других эмпирических данных используются строгие математические методы. Изучаются успехи и трудности математизации психологии (В.Ю. Крылов, Т.Н. Савченко и их сотрудники).

Наши исследования, очень кратко представленные в данной статье, в той или иной степени идут в русле общепсихологической тематики. Они характеризуются признанной новизной и фундаментальностью. На протяжении последних лет некоторые из их авторов удостоены Премии Президента РФ (3 чел.), Золотой медалью им. В.М. Бехтерева (1 чел.), Премии им. С.Л. Рубинштейна, присуждаемой Президиумом РАН (4 чел.), и т.д. Многие из названных работ проведены и проводятся совместно с зарубежными психологами (из Англии, Белоруссии, Болгарии, Вьетнама, Германии, Канады, Китая, Польши, Румынии, США, Украины, Финляндии, Франции, Швеции, Японии и др.). Большинство наших исследований осуществляется при финансовой поддержке отечественных (РГНФ, РФФИ) и зарубежных фондов.

* * *

Все вышесказанное можно обобщить в уточненной формуле детерминизма, преодолевающей противоположные друг другу, крайние точки зрения на движущие силы исторического процесса и, в частности, психического развития людей: а) (общественное) бытие определяет (общественное) сознание (материализм); б) сознание, вообще психическое определяет бытие (идеализм). При новом подходе к проблеме детерминации не бытие и не психическое сами по себе формируют поведение человека и определяют ход истории. Историю творят люди, находящиеся внутри бытия и обладающие психикой. В процессе своей деятельности (трудовой и другой) люди все глубже познают, переживают, преобразуют, развивают реальную действительность (природу, общество, самих себя), полнее и адекватнее раскрывая и используя ее объективные закономерности, стремясь выявить и преодолеть свои ошибки и заблуждения. Они сознательно и бессознательно, рационально и интуитивно прокладывают свой жизненный путь. Решающую роль играет творчество, осуществляемое учеными, политиками, поскольку в ис-

тории объективные закономерности формируются и действуют "через" людей, в их политической воле, поступках, делах. Раскрепощение и дальнейшее развитие такой политической воли — одно из важнейших условий реформирования России.

Конец и царской, и советской власти стал неизбежным из-за неспособности к самореформированию (духовному, идейному, политическому, экономическому и т.д.). Новейшая российская власть еще имеет шанс осуществить такое реформирование. Для этого необходимо, в частности, изучать и активизировать формирование и самоформирование общественного сознания и бессознательного, настроений, вообще духовности разных слоев населения (духовность не сводится к религиозности). Любые реформы в принципе невозможны, если они не учитывают психологию масс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности. М. — Воронеж, 1999.
2. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
3. Брушлинский А.В. Первая психологическая лаборатория в системе Академии наук СССР // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 3.
4. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. — Воронеж, 1996.
5. Вторая всероссийская научная конференция "Россия — XXI век". М., 2000.
6. Дружинин В.Н. Когнитивные способности. М. — СПб., 2001.
7. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб., 1998.
8. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
9. Ломов Б.Ф. Проблемы и стратегия психологического исследования. М., 1999.
10. Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
11. Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997.
12. Психология и психотерапия в России-2000. Справочное издание. СПб., 2000.
13. Российский менталитет. М., 1997.
14. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
15. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
16. Сергей Леонидович Рубинштейн: очерки, воспоминания, материалы (серия "Ученые СССР"). М., 1989.
17. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб., 2000.
18. Современная психология. СПб., 1999.
19. Социальная психология экономического поведения. М., 1999.
20. Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974.

PSYCHOLOGY OF INDIVIDUAL AND GROUP SUBJECT OF ACTIVITY (1st PART)

A. V. Brushlinsky

Corresponding member of RAS, director of IP RAS, Moscow

Thirty years ago B.F. Lomov organized Institute of psychology in the system of Soviet Academy of Sciences (nowadays RAS). There were analyzed some main results of scientific researches held up in Institute for the last time within the framework of psychology of the subject of activity. The subject of activity means a man and people on the highest level (individual level for each man) of activity, integrity, autonomy, etc. That's why the subject of activity is the most general definition of a man. Personality is the less general characteristic of a man which reveals interrelation of only some but very important traits like extraversion – introversion, anxiety, rigidity, etc.

Key words: Institute of psychology RAS, the subject of activity, personality, individuality, individuum, group.

СПИСОК ТРУДОВ СОТРУДНИКОВ ИП РАН 1996–2001 гг.*

РАЗДЕЛ I. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности. Москва–Воронеж, 1999.
2. Базылевич Т.Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. М., 1998.
3. Барабанищikov В.А. К определению понятия когнитивной сферы личности и индивидуальность в современном мире. Смоленск, 1999.
4. Барабанищikov В.А. Окуломоторные структуры восприятия. М., 1997.
5. Барабанищikov В.А. Психология зрительного восприятия (системно-генетический анализ) М., 2001.
6. Барабанищikov В.А. Системогенез чувственного восприятия. Москва–Воронеж, 2001.
7. Бодров В.А. Информационный стресс. М., 2000.
8. Бодров В.А., Орлов В.Я. Психология и надежность в системах управления техникой. М., 1998.
9. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности. М., 2001.
10. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. Москва–Воронеж, 1996.
11. Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. Самара, 1999.
12. Бубнова С.С. Ценностные ориентации как нелинейная система: принципы, методы, процедура. М., 1998.
13. Голиков Ю.Я., Костин А.Н. Психология автоматизации управления техникой. М., 1996.
14. Гостев А.А. Дорога из Зазеркалья: психология развития образной сферы человека. М., 1998.
15. Gostev A.A., Tucker J.C., Gilliland M. Zemlyanin: The Emerging Global Citizen? Essays on the evolution of human consciousness. Moscow–San-Francisco: IP RAN, 1998.
16. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб., 2001.
17. Дмитриев А.В., Латынов В.В. Политическая коммуникация. Ростов-на-Дону, 1998.
18. Дмитриев А.В., Латынов В.В. Массовая политическая коммуникация: пределы влияния. М., 1999.
19. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М., 1997.
20. Дружинин В.Н. Варианты жизни. М., 2000.
21. Дружинин В.Н. Когнитивные способности. М., 2001.
22. Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996.
23. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. (Изд. 2-е, дополненное). СПб., 2000.
24. Дружинин В.Н. Психология семьи. 2-е изд., доп. М., 2001.
25. Дружинин В.Н. Психология семьи. М., 1996.
26. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. (Изд. 2-е, дополненное). СПб., 2000.
27. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. М., 1997.
28. Ермолаева Е.А. Предпринимательство: самодиагностика и преодоление психологических барьеров. М., 1996.

*Список трудов составлен Т.И. Артемьевой, Е.В. Курятовой.